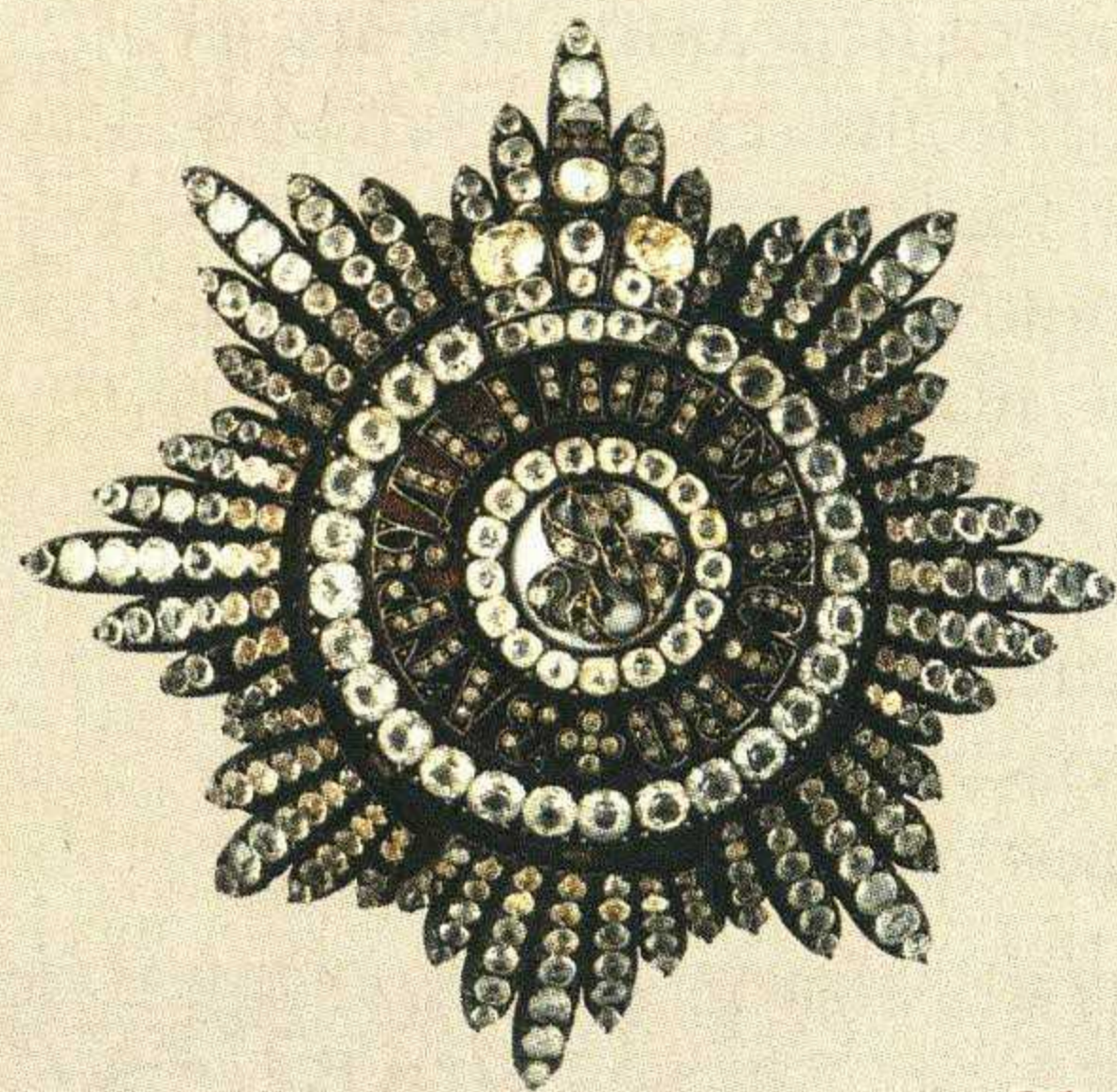


Игорь ДАНИЛЕВСКИЙ, кандидат исторических наук

Призрак желательной истории

Суды, прошлое и наши современники



несколько лет назад в одной из московских школ шел открытый урок истории. Учительница — выпускница философского факультета МГУ — попросила шестиклассников прочитать отрывок из древнерусской житийной повести о святом благоверном князе Александре Ярославиче. «Ну, ребята, — обратилась она к своим подопечным, — что защищал Александр Невский?» В воздух тут же поднялся лес рук. «Он свою веру защищал!» — бодро ответил двенадцатилетний крепыш. Учительница нахмурилась и повернулась к явной отличнице Маше. «Он защищал своего Бога!» — уже менее уверенно, чем ее предшественник, сказала та. Учительница еще больше помрачнела... После пятого или шестого аналогичного ответа она, не на шутку раздосадованная, выпалила: «Да что вы все о Боге да о вере! Он Родину свою защищал!!!» В наступившей тишине ясно послышался растерянный голосок девчушки с огромным бантом: «А здесь этого не написано...»

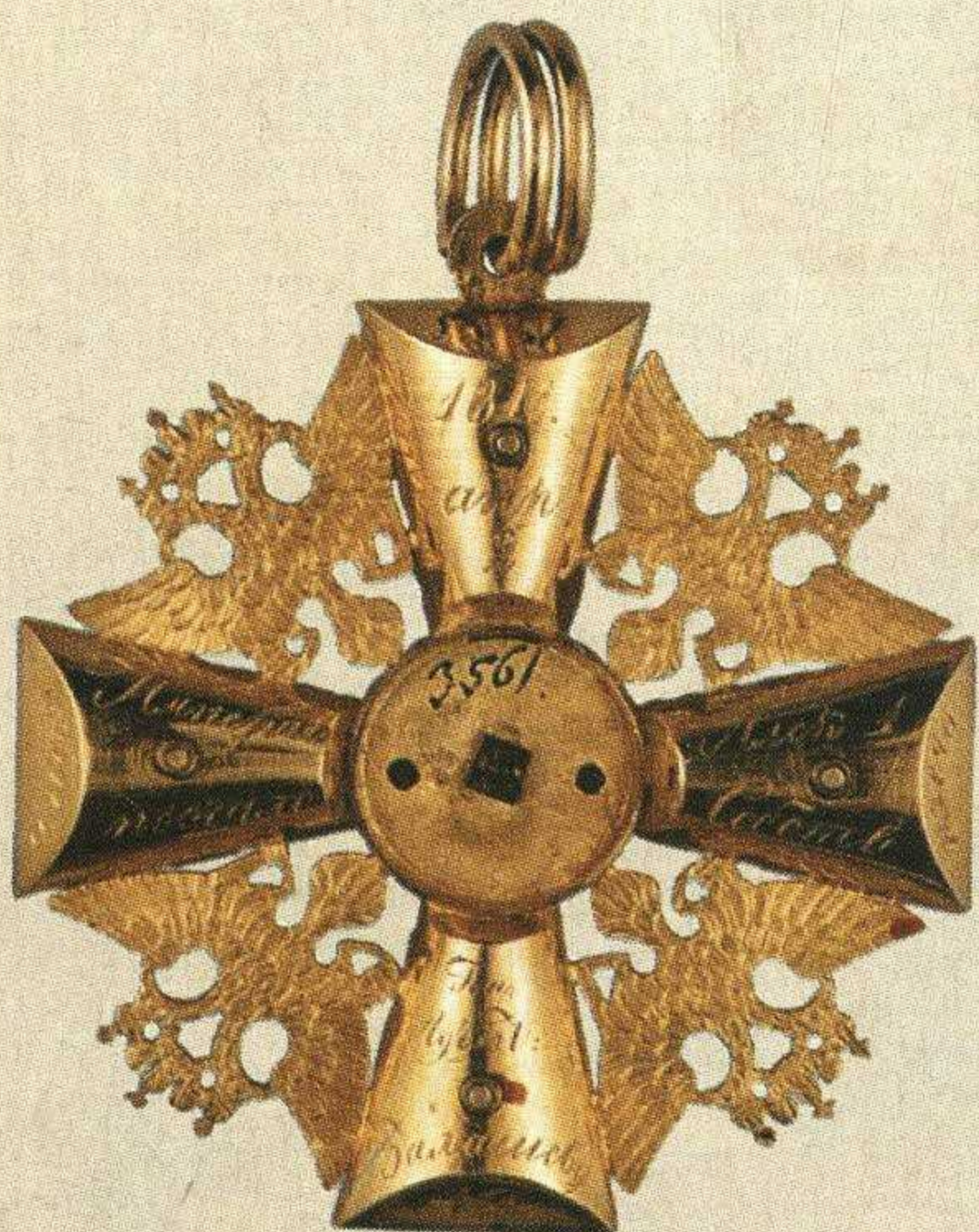
Недоразумение, возникшее между учительницей и учениками, весьма показательное и поучительное. Собственно, суть его раскрыл еще Андерсен. Каждое новое поколение одевает прежних исторических персонажей в «новое платье» — ничуть не менее эфемерное, нежели предыдущие их одеяния, поскольку все они сотканы из эмоций и оценок, которые невооруженным взглядом не увидишь. Правда, от этого каждый новый наряд не стал менее реальным (как, впрочем, и прежний, который к тому же позабыли предварительно снять: скорее всего потому, что просто не заметили его — по причине все той же невидимости). Напротив, именно этот наряд и представляется реальностью, которая полностью вытесняет в сознании потомков самого человека, жившего когда-то. И это нормально. Собственно, такой идеальный образ, «вторая» — и единственная! — реальность и называется А. Ф. Лосевым *мифом*. Любое историческое событие или исторический персонаж мы видим лишь через этот самый миф, который так или иначе его изменяет, искажает и тем самым придает смысл (причем каждый раз новый). Потому и моя книга, на которую ссылается в своем критическом эссе В. В. Долгов, называется «Русские земли глазами современников и потомков...». Неясно только, каким образом из этого следует, что ее автор «почему-то отказывается учитывать, что миф — не ложь, особого рода реальность»... Анализируя предыдущие мифы, каждый из нас (в том числе, и автор этих строк, и его оппонент) создает свой собственный миф, который, кстати, тоже «не ложь, а реальность», хотя этого-то как раз сам Долгов и не признает, несмотря на ссылки на Лосева.

Вернемся, однако, к многослойности исторических мифов.

В этих условиях историка-профессионала от историка-дилетанта отделяет лишь одно. Любитель, как правило, не отличает взглядов автора источника (который, собственно, и предоставляет нам информацию об интересующем событии или деятеле) от воззрений, сложившихся в историографии на разных этапах ее развития, а тех, в свою очередь, от собственной точки зрения. Он склонен неосознанно отождествлять все эти взгляды, оценки и суждения. Ему кажется, что все они говорят об одном и том же. Профессионал же обязан различать эти точки зрения. Иначе никакой собственно научный анализ исторических событий невозможен.

Так вот, возвращаясь к истории, рассказанной вначале, можно сказать, что роль профессионалов в ней невольна (в силу своей идеологической невинности) сыграли шестиклассники, увидевшие в тексте источника только то, что там действительно написано. Учительница же, «вчитывающая» в текст жития понятия и образы, возникшие через несколько столетий после того, как оно было написано (именно поэтому в нем нет ни слова ни об Александре *Невском*, ни о защите *Родины*), предстает дилетантом...

Говоря об Александре Невском, историк-профессионал обязан различать по крайней мере четырех персонажей нашей истории и культуры. Каждый из них — порождение своего времени. Прежде всего, это великий князь Александр Ярославич, живший в середине XIII века. Во-вторых, святой благоверный князь Александр Ярославич, защитник православия, причисленный к лику святых уже лет через сорок после кончины его прообраза. В-третьих, несколько модернизированный в XVIII веке, в связи с борьбой России за выход в Балтийское море, образ святого Александра Невского. И, наконец, в-четвертых, образ великого защитника всей Русской земли Александра Невского, созданный в конце 1930-х — начале 1940-х годов благодаря совмест-



Звезда ордена Александра Невского «с алмазами». ГИМ.

Знак ордена Александра Невского. Принадлежал императору Александру I, а затем генерал-адъютанту А. Д. Балашеву. Лицевая и оборотная стороны. ГИМ.

ным усилиям Сергея Эйзенштейна, Николая Черкасова и Сергея Прокофьева.

Поэтому, говоря о «суде истории», необходимо прежде всего уточнить: кто из этих четырех персонажей рассматривается в качестве «подсудимого»? Невозможно ведь всерьез пытаться вынести единый вердикт одновременно четырем персонажам (пусть даже они и носят одно или, точнее, похожие имена). Действительно ли глядящий сквозь «темное стекло» Данилевский утверждает, что святой благоверный князь Александр Ярославич «все это (?) время» пользовался уважением совершенно незаслуженно? А может быть, в книге, которую читал Долгов, речь шла о противоречиях в историографических построениях, когда определенные идеологические установки заставляли историков, мягко говоря, доказывать недоказуемое?..

Деяния святых вообще вне «юрисдикции» исторической науки. Кто скажет, что растление малолетних — благое дело, поскольку этим, если верить летописи, до принятия христианства «баловался» киевский князь Владимир Святославич? Но, с другой стороны, — кто может осудить за это равноапостольного князя Владимира Святого, принесшего свет православия на Русскую землю? Приняв Святое Крещение и крестив Русь, Владимир одним этим деянием искупил все свои прежние грехи. *Искупил*, но не *оправдал*! Закон, как известно, обратной силы не имеет, и историк, пытающийся описать жизнь киевского князя, вправе — несмотря на то, что тот был канонизирован, — давать (или не давать — это уже дело его совести) моральные оценки развратным действиям и братоубийству, совершенным его персонажем до 988 года. (Являются ли такие характеристики «приговором Истории», вопрос отдельный!)

То же, на мой взгляд, касается и образов — церковного и светских — Александра Невского. Святой благоверный князь стал в свое время единственным светским защитником идеалов православия, не пожелав поступиться ими ни при каких условиях (в отличие, скажем, от Даниила Романовича Галицкого). Тем самым он *искупил* (но опять-таки не *оправдал*!) свои прегрешения, о которых прямо и косвенно говорят его современники. И чтобы уважать его за это, совсем не обязательно умиляться *всеми* деяниями князя Александра Ярославича, которые нам известны по светским источникам и многие из которых у нормального человека не могут вызывать положительные эмоции. *Оправдывать* их не менее аморально, нежели принижать роль и место святого князя в нашей истории. Между тем именно этим, как правило, занимаются те, кто не понимает, за что же, собственно, на рубеже XIII–XIV веков был канонизирован Александр.

Другое дело — образы исторических деятелей, которые формируются профессиональными историографами. Моральные оценки (но не приговоры!) возможны и здесь. Однако они в большей мере касаются не описываемых, а описывающих. Странно было бы укорять литературных персонажей в том, что они, *на наш взгляд*, совершают аморальные поступки. Слава богу, школьные «суды над Онегиным», кажется, навсегда канули в Лету. Зато помимо собственно научного анализа того, на каком основании, как и что написал тот или иной историк, сам он, как и его исследование, вполне могут получать нравственные оценки. И не последнюю роль при этом будет играть то, для чего он написал свой труд: чтобы дать нравоучительный пример своим современникам? или чтобы легитимировать существующий строй? или чтобы по-

П. Д. Корин. Александр Невский.
Центральная часть триптиха.
1942–1943 гг. Фрагмент.



пытаться понять, почему события развивались так, а не иначе? или чтобы, говоря словами Ницше, «создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим»? либо он руководствовался какими-то иными мотивами? К тому же чаще всего даже сам исследователь не знает, какую цель в действительности он преследует, и, искренне полагая, что сохраняет традицию, на самом деле создает совершенно новую — «желательную» — историю. Между тем в каждом случае результат работы исследователя будет разным, как и его нравственная оценка: частная субъективная точка зрения. Кстати, из-за различий в точках зрения и целях, которые преследуют историки, попытки свести оценки, которые они дают одной и той же личности, к «общему знаменателю» (по принципу: если уж академик А., профессор Б. и даже скептик В. положительно характеризовали личность Г., то никакой исследователь Д. не имеет права дурно отзываться о нем) лишены смысла.

Но тогда какую же из этих характеристик считать «судом истории»? На такой титул, по моему глубокому убеждению, не может претендовать ни одна из них. Не являются им и представления о том, что послужило основанием для канонизации православного святого. Тем более нет никаких оснований именовать «судом истории» результаты историографического анализа. Историка (даже самого маститого) никто не уполномочивал быть «учителем жизни», который имеет право на раздачу таких оценок от имени науки, которую он изучает. Правда, в XX веке история часто рассматривалась в качестве своеобразного судебного разбирательства, на котором выносятся «приговоры» предкам — за их «недомыслие», «незнание», «политическую близорукость». «Судьи», как правило, не несли за подобные «приговоры» никакой ответственности (если только он не приходил в противоречие с постоянно колеблющейся «генеральной линией партии»). К тому же задним числом, как известно, легко быть умным и храбрым. При всей внешней привлекательности этот подход нес в себе опасность поверхностных суждений, прививал склонность к анахроническому мышлению, когда представления и поступки людей, живших за десятилетия, а то и за столетия до нас, объясняют с позиций сегодняшнего дня. Рецидивы такого подхода заметны и сегодня. Однако постепенно все большую популярность приобретает иная точка зрения, сформулированная в свое время А. Я. Гуревичем: «История не должна воспитывать чувства собственного превосходства, — она должна учить взаимопониманию. Не судить, но понимать — таков девиз историка во-

обще и в особенности историка конца XX века». В начале 3-го тысячелетия он продолжает оставаться вполне актуальным...

Тем не менее «суд истории» все-таки существует. Но заключается он вовсе не в том, какую оценку получил или получит тот или иной исторический персонаж в работах историков. Полагаю, на самом деле этот суд уже давно свершился. Вердикт истории был вынесен в тот момент, когда общество приняло и поддер-

жало (или, напротив, не приняло и отторгло) деяния той или иной исторической личности. Мы же, со всеми нашими оценками, не прокуроры, адвокаты или судьи, но осужденные этим судом. Мы отбываем наказание за то, что (сами или наши предки — не важно) оправдали эти деяния и тем самым сделали их нормой поведения для последующих поколений. Стоит ли, скажем, удивляться терактам, которые в последнее время едва ли не регулярно совершаются в городах нашей страны, если на протяжении десятилетий центральные улицы в этих же городах носили имена террористов Желябова, Перовской, Каляева, Халтурина?..

И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не найдем в себе силы и мужество признать, что в истории нашей страны есть события и личности, которыми мы привыкли гордиться только потому, что это события и личности *нашей* истории — истории, «правопреемниками» которой мы себя считаем. Между тем многих из них впору стыдиться. Надо, однако, понять, почему предшествующие поколения принимали их, и решить, является ли это достаточным основанием, чтобы такой же выбор совершать и сегодня. И если для современного человека критерии, которыми руководствовались наши предки при оценке той или иной личности и ее поступков, уже не актуальны, отказываться от бесконечного повторения устаревшей модели поведения. Насколько я понимаю, именно это имеют в виду, когда говорят о *покаянии* как о необходимом условии освобождения от власти прошлого над настоящим.

Вот тут-то и пригодится сомнение (а именно его Долгов, насколько я понимаю, и называет «темным стеклом»), которое, говоря словами митрополита Антония Сурожского, «является для ученого орудием его труда», — конечно, «если он хороший ученый».

Он потому и «может ставить под вопрос свое представление, что он ни одной минуты не колеблется в той реальности, которая вокруг него есть». Если же критический анализ историографической традиции воспринимается трагически, поскольку задевает, а то и колеблет какие-то *представления* о той или иной исторической личности, — это лишь свидетельствует о том, что мы впали в грех легковерия.

Святые Борис и Глеб спешат на помощь Александру Невскому.
«Брат Глеб! Вели грести, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославичу».



Александр Невский в Орде.
«Я — христианин, и мне не подобает кланяться твоему идолу».
Настенные росписи художника Серебрякова.

Фритьоф Беньямин **ШЕНК**, доктор исторических наук
(Людвиг-Максимилиан-университет, Мюнхен, ФРГ)

Русский герой или фантом?

Заметки к истории почитания Александра Невского



Икона XVI в. с изображением Александра Невского (старейшая икона, изображающая князя).

Памятник Александру Невскому во Владимире. Фото Виктора Грицюка.



двадцать четвертого мая 2003 года в рамках празднования 300-летнего юбилея основания Санкт-Петербурга в Усть-Ижоре состоялось торжественное открытие огромного монумента Александру Невскому. Скульптура петербургского художника Владимира Горюнова — второй памятник Невскому в Северной столице, возведенный в последнее время. Первый — конная статуя на площади Александра Невского (перед входом в Лавру) — петербуржцы открыли годом раньше, 9 мая 2002 года, в честь своего небесного покровителя. Повышенный интерес к князю Александру Ярославичу наблюдается сегодня не только в Петербурге. В последние годы новые памятники Александру Невскому были воздвигнуты в Новгороде, в Псковской области и даже в Курске.

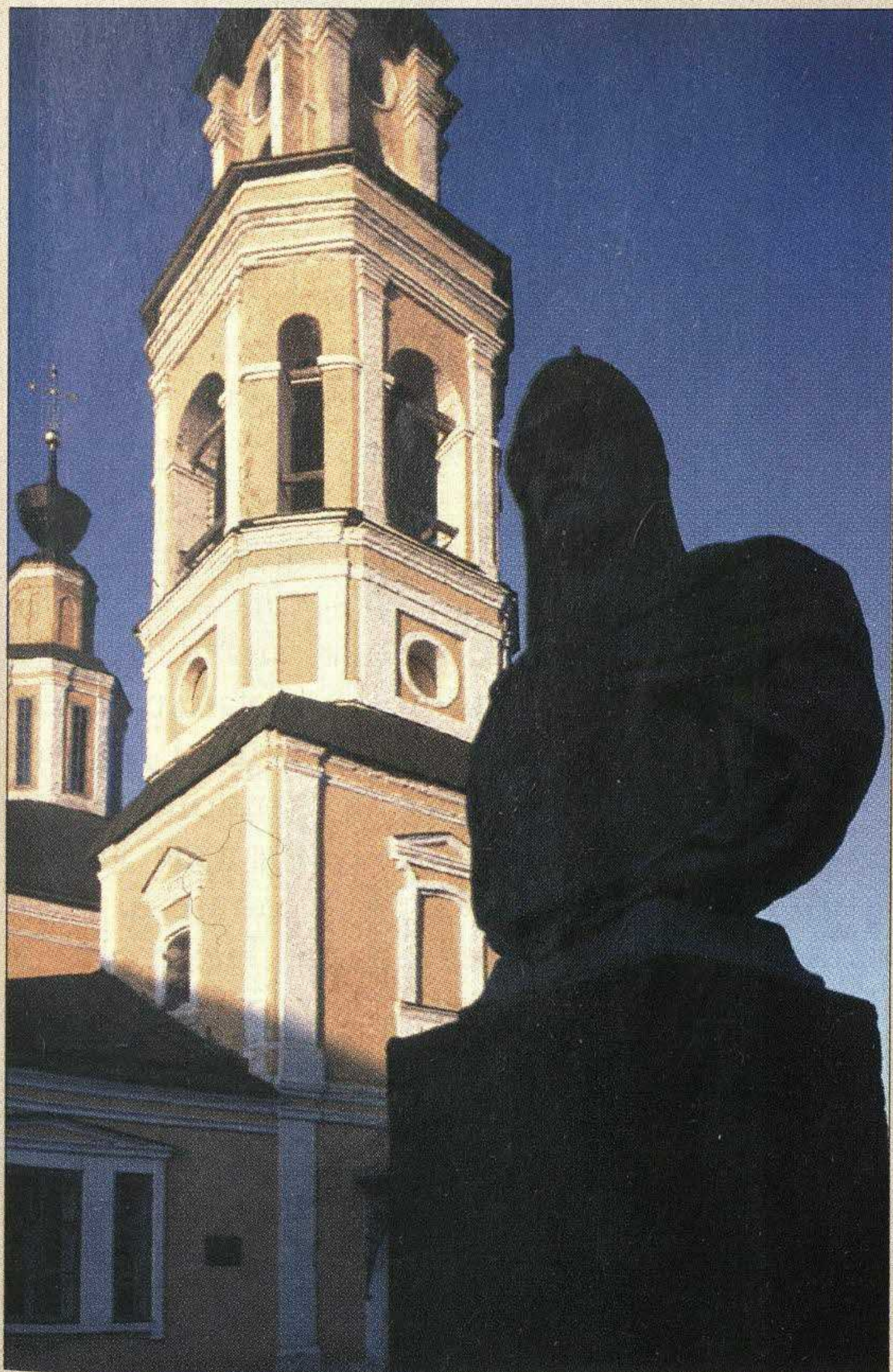
Как объяснить такой огромный интерес к личности Невского в постсоветской России? Трудно представить, чтобы, например, в современной Германии или Франции в честь персонажа средневековой истории было одновременно поставлено несколько памятников в разных местах. Видимо, особое внимание, которое сегодня уделяется в России Александру Невскому, связано не столько с его личностью, сколько с потребностью в новых национальных символах после падения коммунизма. Александр Невский хорошо подходит на роль выдающегося русского положительного героя. Он воплощает не только героическую главу дореволюционной русской истории. Одновременно Невский, который стал одним из важнейших героев советской версии истории 1930-х годов, символизирует не нуждающуюся в пересмотре часть официального советского исторического дискурса. В своей двойной функции, как русский и как советский герой, Невский способствует посредничеству между дореволюционной и советской историей в современной русской культурной памяти.

Александр Невский был одним из центральных исторических героев советского пантеона. За последние два десятилетия представление о нем изменилось в русской культурной памяти: например, новый памятник, сооруженный перед Александро-Невской лаврой в Петербурге, облик которого еще полностью соответствует эстетике монументальной скульптуры советской эпохи, стоит на фундаменте, украшенном православным крестом. Перед всадником укреплен бронзовый щит с надписью: «Святому благоверному великому князю Александру Невскому». Цоколь скульптуры украшен надписью: «Святой князь Александр, храни град святого Петра. К 300-летию города: Балтийская строительная компания». Упоминание святости неевского героя на памятнике Александру Невскому советского времени было бы, конечно, так же немыслимо, как и ссылка на спонсора.

До 1985 года Александр Невский занимал свое место в историческом сознании исключительно как гениальный полководец и вождь, как патриот и искусный дипломат. В годы перестройки многое изменилось. 3 июня 1989 года Русская православная церковь получила возможность отпраздновать перенесение святых мощей Александра Невского из Музея религии и атеизма в Казанском соборе Петербурга в Александро-Невскую лавру.

Сегодня в России можно наблюдать разнообразные виды почитания Александра Невского. Верующие Русской православной церкви откровенно молятся перед иконами святого и просят о небесной помощи. Санкт-Петербург, Новгород и Псков почитают Александра Невского как героя местной истории. Русские маркетологи используют его имя в целях увеличения продаж водки и маргарина... Эти изменения кажутся очень серьезными, однако за более чем 700-летнюю историю почитания Александра Невского образ князя

Сегодня в России можно наблюдать разнообразные виды почитания Александра Невского. Верующие Русской православной церкви откровенно молятся перед иконами святого и просят о небесной помощи. Санкт-Петербург, Новгород и Псков почитают Александра Невского как героя местной истории. Русские маркетологи используют его имя в целях увеличения продаж водки и маргарина... Эти изменения кажутся очень серьезными, однако за более чем 700-летнюю историю почитания Александра Невского образ князя



в русской культурной памяти менялся не единожды.

Со времени смерти в 1263 году Александр Невский занимает прочное место в русской культурной памяти. Почитание князя зародилось во второй половине XIII века на месте его захоронения, в Рождественском монастыре во Владимире и Владимиро-Суздальском княжестве. Житие Александра, написанное монахом Рождественского монастыря в 1280-е годы, подтверждает предположение, что Александр уже вскоре после смерти почитался в регионе в качестве святого князя. Рост его почитания наблюдается в первой половине XV века в Новгороде. Как далеко распространялся культ Александ-

ра Невского в Средневековье, сегодня трудно сказать, во всяком случае, вплоть до его официальной канонизации в 1547 году нельзя говорить об общерусском культе князя.

Возведение Александра в ранг небесного покровителя Русской православной церкви и Московского царства последовало только при Иване Грозном. В памятниках церковно-религиозного культа XVI века он изображен прежде всего как чудотворец и монах «Алексий» в великой схиме. Православный клир XVI столетия больше интересовался чудесами у гроба Александра во Владимире, чем его земной жизнью, политическими решениями и выигранными сражениями. Однако в XVI веке Невский также становится частью идеологии московской династии и российского государства. В произведениях придворного историописания Ивана IV (Степенная книга, Никоновская летопись) князь прославлен основателем рода Даниловичей.

Еще в конце XVII века Александр Невский был лишь одним из многочисленных святых князей, которых почитала Русская православная церковь. Подъем князя на самую вершину иерархии русских святых произошел в XVIII веке при Петре I. В 1710 году царь приказал воздвигнуть в Петербурге, якобы на месте победы новгородской дружины над отрядом шведского короля в 1240 году, монастырь в честь Александра Невского и перенести его мощи в новую столицу. Этим символическим актом Петр хотел прочно увязать память о своей собственной победе над шведами с памятью о триумфе Александра в Невской битве. (На самом деле сражение 1240 года состоялось почти в 20 км от места основания монастыря, который в 1797 году был преобразован в лавру.) В 1724 году первый русский император приказал, чтобы впредь святого больше не изображали как схимника и монаха, а только в «ризах великого князя». Поэтому большинство икон и живописных полотен XVIII века изображают Александра в облачении российского императора. Более того, Петр приказал перенести день празднования памяти Александра с 23 ноября (день его погребения во Владимире в 1263 году) на 30 августа (дата подписания мирного договора со шведами в Ништадте в 1721-м). Именно в этот



Памятник Александру Невскому на площади перед Александро-Невской лаврой в Санкт-Петербурге. 2002 г.

день в 1724 году произошло торжественное перенесение мощей Александра в монастырь Александра Невского в Санкт-Петербурге. С этого момента князь был признан небесным покровителем империи и ее новой столицы, а также великим предшественником Петра Великого.

Итак, в русской культурной памяти до конца XVIII столетия отложились два различных образа Александра Невского: первый — святой чудотворец и монах, второй — прославленный князь и великий предок царской семьи. В XIX веке к этим двум образам присоединился третий: национальный русский герой. Этот новый образ Невского был творением светских историков, на которых идея современной нации имела такое же сильное влияние, как и на их коллег в других странах Европы. Особенное значение для «национализации» Александра Невского, для трансформации православного святого в национального русского героя имели труды Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева.

Образ Александра Невского в XIX веке выделяется, во-первых, своим светским характером. В текстах русских историков святой вновь стал правителем Русской земли, фигурой реальной истории. Во-вторых, Александр превратился в исторического деятеля, который не только защищал Русское государство от за-



Икона XVIII в. с изображением Александра Невского.

хватчиков, но и оборонял русскую народность, русский быт и православную веру. Примечательно, что историкам XIX века монгольская дипломатическая политика Александра часто казалась значительней, чем его военные заслуги в сражениях с врагами с Запада. Однако в сочинениях XIX века тоже находятся первые указания на полководческие дарования Александра — аспект, который историки XX века использовали весьма часто.

До 1914 года эти три образа Александра Невского — монах, князь и национальный герой — сосуществовали в русской культурной памяти относительно мирно.

Большевики в первые два десятилетия своего правления не принимали Александра Невского по трем причинам: во-первых, он был святым и символом православной церкви; во-вторых, представителем монархиче-

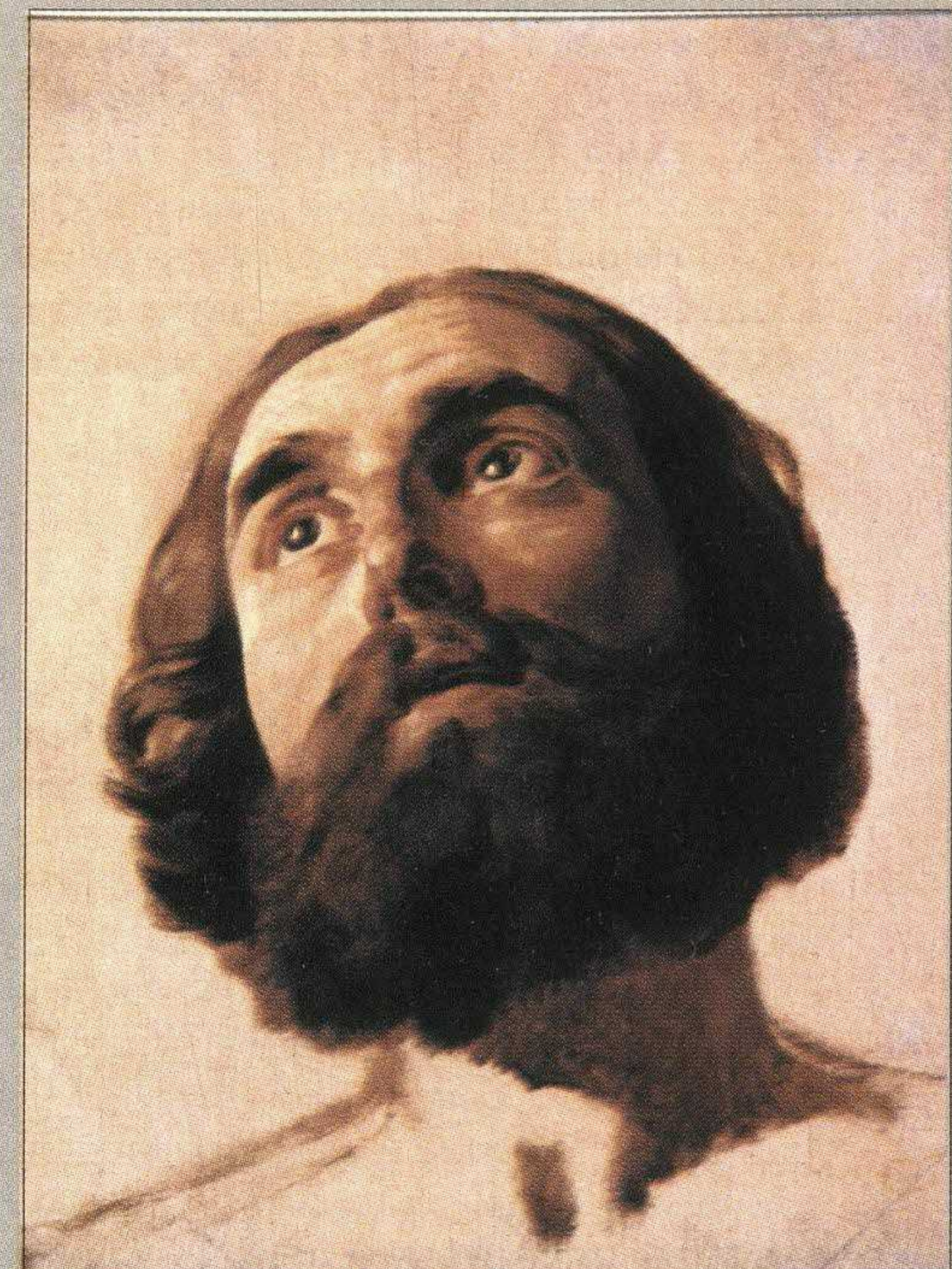
Невский не был предан забвению только благодаря радикальному идеологическому повороту середины 1930-х, объявившему советский патриотизм новой пропагандистской доктриной. Наряду с другими историческими личностями дореволюционной российской истории Александр был полностью «реабилитирован» в 1937 году и «переродился» в выдающегося деятеля истории СССР. При этом особое значение имело то, что новгородский князь, разбивший в 1242 году на льду Чудского озера рыцарей Тевтонского ордена, был подходящим персонажем для советской пропаганды против фашистской Германии. «Гитлер, отважившийся напасть на СССР, будет разбит Красной Армией так же, как Александр Невский одолел рыцарей Тевтонского ордена в 1242 году». Впрочем, этот антинемецкий аспект биографического рассказа Александра Невского воз-

ник только в конце XIX века (и никак не ранее!) и стал важным элементом его почитания во время Первой мировой войны. До этого в русской культурной памяти князь представлял собой лишь антишведскую, антимонгольскую, антикатолическую или антизападную фигуру. Классический фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938) и сегодня формирует представление граждан России о невоском герое.

Как же объяснить тот феномен, что образ Александра Невского занимает прочное место в русской культурной памяти уже свыше семи столетий, несмотря на то, что трактовка данного образа на протяжении этого времени неоднократно и основательно менялась?

На мой взгляд, можно выделить три причины. Во-первых, биография князя, его реальные исторические достижения и воинские победы оказались светлым моментом в трудное время монгольского завоевания во второй половине XIII века. Во-вторых, в биографии Александра зримо отра-

жается ряд принципиальных проблем и вопросов, важных для русского исторического пути и русской коллективной идентичности: «централизм — регионализм», «княжеская власть — вечевая демократия», «Россия и Азия», «Россия и Европа». В-третьих, мы и сегодня располагаем крайне скудными точными фактами о реальном Александре Ярославиче, поэтому его образ в истории был и будет предметом различных исторических интерпретаций. Многочисленные вопросы его биографии, начиная с вопроса о дате его рождения, о размере и значении битв 1240 и 1242 годов, о его роли в свержении своего брата Андрея с великокняжеского «трона» в 1252 году, а также о его роли при понуждении Новгорода к уплате монгольской дани, и поныне остаются спорными.



К. П. Брюллов. Александр Невский. Этюд для росписи центрального купола Исаакиевского собора в Петербурге.

Нынешняя волна новых памятников князю свидетельствует о том, что Александр Невский до сего дня не лишился в России своего потенциала национальной идентификационной фигуры. Он живой как миф и как объект критического дискурса среди историков, занимающихся его биографией и историей его почитания. Ответ на вопрос «Александр Невский — русский герой или миф?» звучит так: Александр привлекателен и как исторический персонаж, и как мифологизированный образ.

Перевод Анны Апонасенко



Вскрытие гробницы с мощами Александра Невского в 1922 г.

ского режима и правящего класса; в-третьих, русские прославляли его как национального героя. М. Н. Покровский и его ученики заклемили князя как «приспешника новгородской торговой буржуазии». 12 мая 1922 года большевики в Петрограде добились вскрытия гробницы в Александрово-Невской лавре. Мощи святого были выставлены на всеобщее обозрение, конфискованы и позже помещены в Музей религии и атеизма.